

МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ

Орган ГТК, парткома, профкома, комитета ВЛКСМ и управления Магнитогорского дважды ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени металлургического комбината имени В. И. Ленина

ВТОРНИК,
25 июня 1991 года
№ 74 (8206)
Газета выходит
с 5 мая 1935 года
Цена 3 коп.

С конференции

50-летию начала Великой Отечественной войны

Трудового
коллектива

Под юрисдикцию РОССИИ

Двадцатого июня во Дворце культуры металлургов состоялась конференция трудового коллектива комбината. Ее участники заслушали отчетный доклад СТК, с которым выступил его председатель В. М. Шунин. В прениях делегаты признали работу совета за период с 1987 года в основном удовлетворительной.

На конференции прошли выборы нового состава органов самоуправления. Председателем СТК избран Евгений Иванович СИЛЬЧЕНКО, ведущий инженер Центральной лаборатории комбината.

Конференция также приняла решение о переходе комбината под юрисдикцию России и поручила администрации подготовить все необходимые документы.

Материалы конференции будут опубликованы в одном из ближайших номеров нашей газеты.

В. ЛАНЦОВ.

Репортерская хроника

Дни

поминовения

В истории человечества немало скорбных дат. Одна из них — 22 июня 1941 года. Произошедшее в этот день пять десятков лет назад и поныне горит незаживающей раной на теле народа. Может быть, поэтому дни поминовения, проходящие сейчас повсюду, печальные и трогательные, никого не могут оставить равнодушными: ни убеленного сединами ветерана, ни появившегося на свет уже спустя десятилетия после войны ребенка.

В эти дни для многих металлургов новая трудовая смена начиналась с минуты молчания.

Такие пронизанные болью и памятью сменнотворческие собрания прошли во многих цехах комбината. Вот некоторые из них: листопркатные цехи № 3, 7, 8, обжимный цех № 1.

Как это было

Внимание магнитогорцев, решивших принимать участие в викторине, посвященной дню рождения нашего города, должна привлечь книжная выставка. Организовали ее сотрудники центральной библиотеки профкома комбината.

Просмотр книг, открытый в читальном зале, включает в себя несколько разделов: «Восхождение», «Время, вперед!», «В пути», «Война», «Культура города». Предложенная вниманию читателей литература — это редкие книги, журналы и газетные номера. Легенды и были горы Магнитной, хроника Магнитостроя, тяжелые годы военного лихолетья — такая информация журналистов и известных советских писателей не оставит равнодушными читателей.

Накануне 22 июня сюда пришли артисты, литераторы, чтобы еще раз вспомнить о тех, кто отдал свои жизни за Победу. Народный артист РСФСР Л. Г. Самарджиди проинкновенно читал рассказы, опубликованные еще в 1942 году.

До самых глубин человеческой души доходили и удивительные по проникновенности строки стихов А. Павлова, написанные уже после войны, но о войне — читал их сам автор. Звучали и песни «Землянка», «Случайный вальс» в исполнении солистов хора ветеранов войны и труда Дворца культуры имени Ленинского комсомола. И еще звучал голос памяти: участник Великой Отечественной войны Николай Иванович Несоловьев вспоминал о своих однополчанах, нелегких дорогах войны.

Хорошо, что в наше время кроме переоценки казавшихся незыблемыми ценностей, переосмысления истории есть еще память. Годы Великой Отечественной остаются в памяти народной как подвиг и самопожертвование. 9 мая в Овощном отделении Молочно-овощного совхоза открыли монумент в память о погибших в Великой Отечественной. Для кавалера ордена солдатской Славы Григория Никитовича МАКАРОЧКИНА, для односельчанин этот день стал днем поминовения в канун 50-летия со дня начала войны.

Фото А. Князева.

Мир молодых. Навстречу Дню советской молодежи

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МЖК,

или Пять лет из жизни одного молодежного жилищного комплекса

...Вам приходилось видеть, как плачет человек, получив ордер на квартиру после семи лет то вспыхивавшей, то исчезающей надежды в очереди на жилье? Зрелище, замечу, не для слабонервных. Хотя, говорят, семь лет — это не срок. Срок — это когда не меньше десяти...

Не знаю, какие чувства обуревают тех, кто участвовал в строительстве молодежного жилого комплекса, когда долгожданный ордер оказывается у них в руках. Наверное, за те два-три года, что уходят на создание «своего» дома, тоже успевает накопиться всякое.

В начале 80-х, когда многое было еще в теории, МЖК замыслился как некая новая общность людей, построенная в отдельно взятом государстве на обособленном клочке земли. Но жизнь приземлила теорию, сделал ее практикой и в очередной раз исправив все на собственный лад.

МЖК «Искра» в этом году исполнится пять лет. Конечно, хронология его становления была совсем не такой четко определенной по годам и характеру развития. Просто в «настроении» каждого из годов что-то преобладало, а что-то отходило на второй план. Подошла пора первых итогов. Дай Бог дожить до заключительных...

ГОД ПЕРВЫЙ — АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЙ

И БЫЛ год 1986-й, 16 июня Госстрой, Госплан, Госкомтруд, Министерство юстиции и Стройбанк СССР, Минжилкомхоз РСФСР совместно с ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ утвердили Положение о молодежном жилом комплексе. Основной целью создания МЖК ставилось в нем улучшение жилищных и социально-бытовых условий молодых семей, повышение трудовой и общественно-политической активности молодежи, развитие принципов коллективизма, дальнейшее совершенствование прогрессивных форм социалистического общежития, трудового, нравственного и физического воспитания. А сам комплекс в теории должен состоять из жилых домов, объектов соцкультбыта и спортивных сооружений для проживания и обслуживания тех, кто этот комплекс воздвиг.

Уже делились первым опытом калининградские и свердловские «эмжековцы». И выходило по их словам, что жизни лучше, чем в МЖК, нет и быть не может. И покатились по стране волна — везде, где имелось достаточное количество молодых семей, страдавших от нехватки жилья, начиналось движение. Правда, местами оно напоминало вспышку, поскольку голый энтузиазм, не подкрепленный ни стройматериалами, ни вообще элементарным пониманием со стороны местных властей, на большее рассчитывать не может. Местами вспыхнувший энтузиазм переходил в тление более или менее продолжительное и тоже с течением времени гас.

Но кое-где инициативу подхватили и стали создавать все условия для дальнейшего ее развития. Вспомните, чем знаменовались для страны годы 1986—1987-й — буйным расцветом кооперативов. Газеты живописали перспективы «освобожденного труда» добровольно объединившихся труженников и... Как и следовало ожидать, молодежь ринулась туда, где лучше.

Именно в это время руководство комбината обратило внимание на резкое «постарение» коллектива. Получить долгожданное жилье через двенадцать-пятнадцать лет стояния в очереди оказалось для большинства менее привлекательной перспективой, чем возможность в кратчайшие сроки подзаработать денег на то же кооперативное строительство.

Но хороший хозяин, в отличие от плохого, не бранит покинувшего его работника, не ищет в его уходе свою вину, чтобы, найдя ее, исправить. Тем более, что искать особенно было нечего. Утопическая программа «Жилье-2000» уже успела расставить все по местам. Сомнение вызывали лишь бравые сроки ее воплощения в жизнь.

С чего был пошел МЖК комбината? С нескольких строчек в газете о том, что в такой-то день в комитете комсомола ждут тех, у кого есть идеи по части строительства молодежного жилого комплекса. Идей в то время у собравшихся в назначенный день и час было не слишком много. Да и откуда им взяться, идеям-то, если сведения о жизни и строительстве некой новой общности молодых существовали в то время в виде немногочисленных газетных сообщений?

Будущий председатель оргкомитета «Искры», сидючи на том собрании, о председателемском кресле и не помышлял. Если бы не настойчивые уговоры жены, никто бы его в тот вечер в комитете и не увидел. Ну что толку было убивать время, чтобы посидеть-послушать и разойтись, в который раз констатируя: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих»?

Но на собрании Андрею Сорокину вдруг предложили командировку в

(Продолжение на 2-3-й стр.)

Мир молодых. Навстречу Дню советской молодежи

(Начало на 1-й стр.)

Москву на конференцию МЖК. Вот там уже стало ясно точно и бесповоротно: чем томиться ожиданием, лучше в течение двух-трех лет отстроить жилье самому...

Впрочем, я несколько тороплю события. Председателем оргкомитета Андрей станет год спустя, когда эту структуру в МЖК создадут. А пока год 1986-й шел на подъем. Но держался исключительно на внеплановой деятельности. Внепланово был создан штаб МЖК во главе с заместителем генерального директора комбината Г. Г. Чугуниковым. Внепланово «эмжековцам» пришлось постигать азы строительного дела и экономической грамоты. Внеплановым был дом «Магнитострой» был сам дом, который на едином дыхании за год воздвигли первостроители на улице Суворова.

Конечно, после заселения были в квартирах недоделки. Но повышенные требования друг к другу никто не предъявлял. Учились на ходу. Да и как ни крути, было их здесь гораздо меньше, чем в любом новоиспеченном многоквартирном доме. Строили-то для себя.

Ух, какие идеи носились в те месяцы в воздухе! Будет в доме своя слесарная мастерская, будут фотолаборатория и детская комната, чтобы в отсутствие родителей подрастающее поколение не томилось от тоски и одиночества. Будет библиотека. Будет шикарный банкетный зал, чтобы все праздники — только вместе. Будет... Да что там загадывать? Все во имя человека, все для блага человека — разве это не в наших руках?

Год 1986-й закончился. Год 1987-й только начинался. Первые счастливицы отмечали новоселья. Совет дома намечал мероприятия по реализации социальности в невиданном доселе доме, хоть и отстроенном по типовому проекту.

Единственное, что тогда, по мнению энтузиастов, мешало «чистоте эксперимента», был отказ от строительства именно комплекса молодежных домов. Следующему дому предстояло вырасти на улице Ворошилова. Но что все это значило в сравнении с обретенным домашним раем? Ничего, проживем — пробьемся...

ГОД ВТОРОЙ — БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ

Б УДЕТ несправедливым игнорировать значение бумаги в современном обществе. Бумага в наши дни суть не только то, на чем можно писать и что, порвав, развеять по ветру. Бумага ныне — краеугольный камень всего. Начиная с проектов и заканчивая многочисленными протоколами и списками отрядов, у «Искры» наберется ее не один десяток папок.

Единственное, что так и останется неясным для потомков, поскольку отражения в протоколах не нашло — это история имени комплекса. Правда, ветераны твердо стоят на том, что ни к Пушкину с его посланием «В Сибирь», ни к декабристам, ни тем более, к подпольной большевистской газете их МЖК отношения не имеет... Хотя система вступления в него может соперничать с зачислением в ряды любой политической организации.

Перво-наперво оказалось, что желающих построить жилье собственными руками у нас гораздо больше, чем квартир в любом высотном доме. Так родилось в МЖК социальное соревнование. В нем может участвовать любой желающий, значащийся в списках на жилье, проработавший на комбинате не менее двух и имеющий за плечами не более 35 лет. Заполнив анкету-заявление, он начинает тернистый путь к победе.

Что это такое, очень образно представил однажды в сатирическом рисунке Андрей Сорокин: исхудавший, давно не стриженный боец КМСО, впрягшись в телегу, тянет за собой воз общественных нагрузок, а спереди толкает тележку субботников. И в голове — единственная мысль: «Я все-таки буду членом МЖК...»

Работа оценивается баллами. Низший — «единица». Высший — «десять». По сумме заработанных баллов позже обсуждаются и отбираются «счастливицы». Но только субботники — это подделка. На них, считается, заработать баллы проще всего. В книжку соревнующегося вносятся баллы и за выполнение по основным показателям

производственного задания, и за общественную работу. Счастье — трудная штука. Но зато в цехах нет безотказнее работников, чем соревнующиеся за право членства в МЖК.

Кстати, прогул или выход на работу в нетрезвом состоянии карается исключением из социальности с правом повторного вступления по ходатайству коллектива не раньше, чем через год. Япония с ее электронным оборудованием, на котором работать можно исключительно в трезвом уме, до МЖК далеко. Закон, открытый некогда Томом Сойером (чтобы человек очень чего-нибудь захотел, сделай так, чтобы это что-то досталось ему с трудом), сбавляется в данном случае четко.

Плохо это или хорошо — судить не буду. Исходное положение всего этого, в любом случае, куда хуже. Нависшие крыши над головой во все времена относили к первичным потребностям человека.

Закалившийся в «огне» социальности победитель психологически уже полностью готов нырнуть в «полюс» трудовой программы, составленной, согласованной и утвержденной специально для отряда, уходящего на строительство дома. В предстоящие два года инженеру, металлургу, повару и даже конторскому служащему придется полностью перевоплотиться в строителя. После краткосрочных курсов строительного ликбеза поступивший в ведение управления «Жилстрой» МЖК новоиспеченный монтажник, каменщик, маляр будет получать зарплату, соответствующую его новой роли. В большинстве случаев она оказывается ниже и — чувствительно.

«Эмжековцев» управление задействует там, где не хватает рабочей силы. Не всех, конечно. Часть отряда трудится на строительстве дома. Работа «эмжековцев» оказывается выгодна всему городу. Благодаря им, заасфальтирован немалый участок проспекта Карла Маркса от улицы «Правды» до площади Мира; покрашены ажурные решетки Центрального перехода; благоустроена территория профилакториев «Южный» и «Солнечный»; отстроено и досрочно введено в строй комбинатское овощехранилище; отремонтирован детский сад № 154 и оборудованы спортплощадка и теплица детского сада № 91... Не стану перечислять дальше этот длинный список работ только за два года. И так ясно, что будни у «эмжековцев» жаркие.

Кстати, попутно решаются и проблемы «комплексного строительства». Заведующие детскими садами, например, с сожалением ждут окончания стройки. Лучших помощников, чем «искровцы», желать трудно. Так что места в близстоящих детских садах «эмжековской» детворе обеспечены.

А работа по договорам приносит деньги и все те же баллы. Деньги «Искре» необходимы, поскольку с ноября прошлого года перешла она полностью на хозрасчет. Даже зарплата председателю оргкомитета и его заместителю выплачивается из средств заработанных МЖК. Хотя «крыша» у него пока комсомольская, поскольку вылезал он в его недрах.

Есть еще один источник пополнения «эмжековского» бюджета — ежеквартальные взносы от трех до пяти рублей. Уплачиваются они, начиная со времени соревнования, за право быть членом строительного отряда МЖК и до тех самых пор, пока получившая жилье семья числит себя в рядах членов комплекса. Да, не все, придя к финишу, продолжают сохранять былой задор. Хотя тех, кто остается верен «эмжековским» традициям, тоже немало.

Взносы используются исключительно на благоустройство домов; покупается необходимое оборудование, оплачивается работа руководителей кружков, организуются вечера... Да мало ли во что еще МЖК может вкладывать деньги? Их, как известно, вообще никогда не бывает «много». Около 1,5 тыс. рублей в квартал, да при нынешних ценах... Но пока на самое необходимое хватает.

Однако вернемся к баллам. Зачем они нужны прошедшему огонь и воду строителю собственного жилья («собственного», правда, весьма относительно, поскольку строят «эмжековцы» плановое жилье для комбината и находится оно на балансе ЖКО)? Баллы нужны «эмжековцу» для того, чтобы в конце в его честь сыграли медные трубы при распределении этажей и даже подъездов: кто

больше работал, тому и карты в руки. Над дверью оргкомитета очень к месту оказалось бы крылатое: «Помни, товарищ, жизнь — борьба!» Борются не только «счастливицы», попавшие в список отряда, но и те, кого обошли стороной — эти, считая себя несправедливо обиженными, обращаются к администрации комбината с обвинениями в адрес оргкомитета.

«Блатниками» нас попрекают постоянно, — у Сорокина, похоже, успел выработаться к жалобам стойкий иммунитет. — Говорят, что «своих» протаскиваем. «Свои» — это секретари комсомольских организаций. Дело в том, что очень долго не могли решить, как начислять им баллы за общественную работу — она у них с основной совпадает... Конечно, никто никаких побрякушек никому не делает. А злые-то языки всегда найдутся.

«Квартирный вопрос испортил человечество», — эти слова булгаковского Воланда были гениально пророческими и универсально применимыми к любой стороне квартирного дефицита.

— Жилье, я считаю, — главная льгота для молодого человека, — заметил в нашем разговоре Геннадий Георгиевич Чугуников. — От него зависит благополучие семьи...

Впрочем, если нет в доме лада, и МЖК не поможет избежать развода. Правда, рассказывали мне, в МЖК-1 однажды пытались воздействовать на разведывшихся силой коллективизма. Не помогло. Психолог, считая, сумел бы больше. Насчет психолога — не уверена. Но социологи «эмжековцам», в свое время помощь оказали немалую...

ГОД ТРЕТИЙ — ВЕЗУЧИЙ

В Ы когда-нибудь слышали об однокомнатных квартирах «двоукотного типа»? Это чтобы потолки высокие, кладка основательная, лестничные площадки почти с театральную сцену, а комната в квартире всего одна? Скажем, на семью из двух человек... Мне самой о таком «чуде» проектной мысли прошло что-то слышать не приходило. Наоборот, в домах царских времен очень легко было проводить «уплотнение» — длинные коридоры, просторные кухни, зное количество дверей, ведущих в комнаты, окнами выходящие на все четыре стороны света...

До однокомнатных квартир мы додумались позже. Особенно много их строили во времена «хрущоб». Не от хорошей жизни, конечно. Скорее всего, от усталости: пусть всего одна комната, но зато все остальное — только на одну семью. Эпатаж «край в шалаше», рассчитывавшийся, правда, всего на 15 лет. Дальше, полагаю, уж успеет отстроиться что-нибудь попросторнее.

Годы, однако, шли, а от строительства квартир по формуле «эн» минус один», где «эн» — количество членов семьи, мы отказываться не спешили. То, какими глазами смотрит на наш жилищный вопрос Запад, нас не волновало: они, мол, там с жиру бесятся, имея в квартирах не только по три спальни, но еще и комнаты для любимых кошек и собак. Вот это «жлобство» заделало больше всего. Мы-то в своих «одиночках» не то что братьев наших меньших, друг от друга порой отдохнуть не можем. Куда уж тут множеством домохозяев обзаводиться...

Два первых дома МЖК отстраивались тоже по типовым проектам. А это значит — заранее планировались «эмпранты» — те, кто покинул однокомнатные, обменяв их после переезда на более просторное жилье. Поэтому третий по счету дом решено было строить по проекту, созданному с учетом данных специально проведенного социологического исследования. А оно показало, что, если следовать строго нормированному распределению квадратных метров на душу населения, однокомнатных квартир в доме должно быть всего пять процентов. Если же откровенно отвлекаться от буквального распределения метража, то ни одной молодой семье такая квартира не нужна, поскольку кроме дня сегодняшнего есть еще день завтрашний.

Комбинат навстречу «эмжековцам» пошел. Решено было полностью отказаться от однокомнатных, а двух- и трехкомнатные квартиры строить в соотношении 60 к 40. Чуть позже вы-

яснилось, что пропорцию эту лучше всего «перевернуть». Поэтому первый в городе монолитный дом, начала строительства которого ждал не дожидаясь очередной отряд, должен стать пионером во всех отношениях: «Первый «монолит»; первый из трех домов на этот раз именно» комплекса молодежных высоток; первый дом, где трехкомнатных квартир будет в полтора раза больше двухкомнатных. Четырех-, пяти- (и далее в порядке нарастания) — комнатные жилища, вплоть до особняков с мансардами и палисадниками, — перспектива очень далекого будущего. Дай-то Бог, чтобы нам когда-нибудь повезло.

Впрочем, уже то, что МЖК удалось отказаться от однокомнатного недоразумения, можно считать большим везением. Да в то время ему вообще крупно везло.

В доме, что по улице Ворошилова, неожиданно-нежданно вместо трех блок-секций, как планировали, их оказалось пять. После новоселья на жильцов 178 квартир свалилось еще одно счастье — собственная АТС, оборудование для которой на заработанные средства МЖК приобрел и своими силами смонтировал в одном из подсобных помещений. Не знаю, есть ли в Магнитке еще один полностью телефонизированный дом, где в каждую квартиру можно звонить по двум номерам — городскому и внутреннему...

Голубая мечта жильцов МЖК-1 — смонтировать в доме систему кабельного телевидения — реализовалась в МЖК-2. Выделенная администрацией и профсоюзным комитетом комбината видеосистема ныне работает на весь дом, показывая учебные и развлекательные программы. Правда, мечталось пойти еще дальше — установить параболическую антенну, развернуть прожектор передатчика из заокеанских стран. Не хватило всего каких-то 25 тысяч — столько стоила антенна. Ну, да не все коту масленица...

Им бы простора для размаха побольше, они бы недостроенное здание нового кукольного театра, которое не один год портит пейзаж на улице Ворошилова, быстро преобразили бы. Перепланировали бы внутренние помещения и сами отстроили здание молодежного центра, пока замороженный объект не размыло дождями и окончательно не превратило в руины время. Но не отдадут...

Впрочем, грех жаловаться, когда в перспективе запланировано строительство комплекса монолитных домов, когда, пусть даже построенные на разных улицах, три первых дома обеспечили жильем 1600 человек, когда в домах этих люди хорошо знакомы не только с соседями по площадке, но и с жильцами всего дома, когда бок о бок живут единомышленники, сплотил которых труд...

Но — стоп! Вот тут как раз начинается цепь «сюрпризов» и парадоксов, о которых никто не задумывался, самоотверженно впрягаясь в тот воз, который столь выразительно изобразил когда-то на своем рисунке Андрей Сорокин.

ГОД ЧЕТВЕРТЫЙ — СМУТНЫЙ

Д ЖЕКА-строителя из знаменитого детского стишка можно, несомненно, считать одним из прародителей идеи жилого комплекса. Вспомните: дом, судя по всему, был просторный, имелось в нем востроенно-пристроенное помещение, где жильцы, видимо, за неимением культурных потребностей, попросту хранили пшеницу. А друг с другом общались исключительно «по интересам»: птица-синица клевала пшеницу, кот пытался поймать ее на месте преступления, чем, вероятно, очень раздражал староег пса, трепавшего kota за шиворот. Пес, в свою очередь, досаждал комолой корове, которая предпочитала общество старушки. И вся эта братия, тем не менее, умудрялась ужиться под крышей «дома, который построил Джек».

Видимо, уж такова природа всех живых существ — жить в едином ритме стучащих сердец они не способны. Идея-создать с помощью МЖК новую людскую общность, оказалась несостоятельной.

— То, о чем мечтали в начале, обычно процентов на двадцать, — услышала я от председателя совета дома МЖК-1, бывшего члена оргкомитета

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МЖК,

или Пять лет из жизни одного молодежного жилищного комплекса

Сергея Ефремова. — Поначалу каждое мероприятие бепал согласовывать с «эмжековцами», а теперь половина, фактически, отделилась и живет, как в обычном доме. Детскую комнату решили закрыть — не нужна она стала нашим мамам. Библиотека тоже, фактически не работает — каждый предпочитает иметь книги дома. Вот фото-лаборатория и слесарная мастерская не пустуют. Но тут все от интересов зависит.

— А с переехавшими жильцами как отношения складываются?

— С бабушками? Прекрасно, с ними у нас никаких проблем...

С бабушками хлопот, пожалуй, и в самом деле куда меньше, чем с молодыми жильцами. Они, по крайней мере, в ОБХСС писем не пишут с просьбой провести проверку и установить, куда делось то-то и то-то, что, по не всегда проверенным данным, было завезено в МЖК и бесследно исчезло. Сергей, правда, пока в подобных разборах не участвовал — первые «эмжековцы» в этом отношении оказались менее подозрительными и бдительными. Зато семье его «коллеги» из МЖК-2 Александра Кравченко пришлось встретиться и проводить проверяющих уже не один и даже не два раза:

— Пока проверки ничего не подтверждают. Но нервы-то...

Обстоятельства, конечно, в жизни бывают разные. И все-таки как-то не укладывается в голове, как можно, отработав два года бок о бок друг с другом, писать о соратниках письма в компетентные органы. Тем более, что товарищам и так приходится не сладко.

Обвинений в том, что оргкомитет в тайне от других пропагандирует в отряды «своих» людей, председатель и его зам наслушались вдоволь в промежуточных между добытием стройматериалов и заключением очередных договоров на «выполнение работ». Слухи будто с неба берется — нечто смутное постоянно витает в воздухе.

В одно из редких появлений Андрея в резиденции оргкомитета разгорелись о наболевших проблемах.

— Меня не могут на месте заставить, — говорил председатель. — А так оно и получается: мне за день нужно в пяти местах побывать, вопросы утрясти, а перед этим еще и в приемных посидеть в ожидании, хоть встреча мне и назначена. Предлагают: «Возьми на стажировку к себе какого-нибудь парнишку — не вечно же в председателе ходить придется. Пусть он хоть понаблюдает за твоей работой». А что я человеку покажу за полторы-две недели? Если только его на телефоны посадить, чтобы отвечал каждому: «Сорокина нет...».

Его и в самом деле почти не заставляют. Однажды мы проделали с ним приблизительно тот маршрут, который Сорокин совершает ежедневно. «Пять минут», на которые он заскочил с бумагами в заводоуправление, затянулись на добрых полчаса, поскольку в приемной оказалось много народу. Потом был строящийся дом, где каждый встречный просил объяснить, почему опять затягивается строительство и что делать, если пора возвращаться на комбинат, а дом все еще не готов. В общем, вместо запланированных двух, поездка нам обошлась в четыре часа.

С МЖК-3 для «Искры» кончилась полоса везения. Нехватка того, другого, третьего, десятого, что раньше удавалось компенсировать кто его знает чем, основательно «осадила» набравшее было скорость движение. Кроме того, институт «Казстройтехпроект», выполняющий по договору проект монолитного дома и рабочие чертежи опалубки, затянул завершение работ на неопределенный срок. Из-за этого очередной — четвертый по счету — отряд «эмжековцев» оказался не у дел. Настроившись на то, что уже к концу 1992 года отпразднуют новоселье, к июню нынешнего большинство начало роптать на «бездельников из оргкомитета».

Можно, конечно, заподозрить Андрея Сорокина в «антисоциальной» политике. Только уж очень она у него получилась странной — во зло себе же самому: в доме, который никак не могут достроить, он после четырех, вместо положенных двух, лет работы на благо комплекса, должен, наконец, получить жилье...

Впрочем, натура человеческая противоречива. Для счастья ей нужно очень немного, а для утраты надежды еще меньше.

Сортировщик-сдатчик девятого прокатного цеха Елена ДОРФЕЕВА и слесарь ТЭЦ Гавриил ЗАЙЦЕВ — строители МЖК.

Фото В. Макаренко.

ГОД ПЯТЫЙ — ФИЛОСОФСКИЙ

С ВЫСОТЫ многоэтажного дома удобно наблюдать за окружающим миром. Даже если дом еще не достроен и карабкается наверх пришлось где по заляпанным штукатуркой лестничным маршам, а где и по шаткой приставной лестнице.

В пустых, еще не оклеенных обоями квартирах, где трудно даже поверить, что только жилая площадь некоторых двухкомнатных — 37 квадратных метров, инженеры, воспитатели, повара, лаборанты, металлурги называли мне сроки своего стояния в очереди на квартиру: от семи до двенадцати лет (кто-то, правда, произнес: «Семнадцать...»).

На строительстве не хватало людей. Управление «Жилстрой» разбросало отряд по нужным ему объектам. Они готовы были трудиться здесь от зари до зари, лишь бы скорее въехать в свои квартиры. В то, что с помощью МЖК можно построить новую людскую общность, говорили мне, они верят. Безусловно, какие-то связи распадутся, но многое останется.

Я очень желаю им сохранить веру в это надолго. На всю жизнь. Пусть хотя бы этому дому посчастливилось прожить без апатии и зависти.

А в жизнь в духе единых интересов я никогда не верила и не поверю. Все равно дом, который построил когда-то Джек, «ближе человеческой натуре».

— Есть идея, — сказал мне Сергей Ефремов, — собрать когда-нибудь всех активных «эмжековцев» и построить еще один дом. Вот тот, думаю, будет уже настоящим...

Возможно, это не такая уж утопия — всем домом ходить в походы или устраивать спортивные соревнования. Только реальностью она сможет стать не раньше, чем мы начнем строить своими руками дома от квартирного пресыщения. Живем мы, допустим, втроем в трехкомнатной, но для того, чтобы принимать гостей без стеснения собственной свободы, нам нужно пять комнат. Вот объединившись с такими же, как мы желающими, может быть, и удастся создать некий новый мир братства.

Хотя нужен ли он кому-то? — Нужны ли нам «благоустроенные казармы»? — ответил мне вопросом на вопрос Геннадий Георгиевич Чугулиничков.

ПОСТСКРИПТУМ. В конце этой главы я собиралась поставить точку, когда из Алма-Аты вернулся Андрей Сорокин. С собой он привез долгожданный проект монолитного дома МЖК-4 и известие о том, что со дня на день отряд отправится на стройку. Точку я пока ставить передумала. Пожалуй, через некоторое время может появиться еще одна глава о жизни МЖК — «Год шестой» — какой, пока неизвестно...

В. ЗАСПИЧ.
(Пресс-центр комитета комсомола ММК.)

ПОКА ЖИВУ — ПОМНЮ

(Начало в № 70—73)

3. ТЮРЬМА

Утром приносили хлеб, староста камеры принимал его у двери и раздавал по списку, затем передавал баланду — жидкую, мутную, подсоленную водичку. Ложек, конечно, не было, но научились есть через край чашки так, что в ней не оставалось ни крошки. Сидя ели, сидя спали, сидя делились своими невзгодами.

По ту и другую стороны от меня сидели люди в оплошных фурункулах, из некоторых вытекала дрянь. По своей природе я человек чистоплотный и для меня это было великим испытанием. Да и боялся, что фурункулы перейдут на меня. Правда, Бог милостив, этого не случилось.

В таких условиях я встретил день своего рождения 27 июля 1938 года. Мне исполнилось 20 лет.

Вся обстановка, окружающая меня: теснота, гнусный воздух с запахом гниющих тел, зловонная параша, рукоприкладство дежурных по коридору, — все это действовало гнетуще. Лучше умереть, чем влечить скотское существование.

Я решил объявить голодовку. Товарищи объяснили, на кого нужно писать заявление. Я адресовал его прокурору области, копию — начальнику областного управления НКВД, копию — начальнику тюрьмы с требованием связи с семьей и немедленного суда. Это произошло в двадцатых числах августа.

Утром староста камеры возвратил обратно мою порцию баланды, а также пайку хлеба с написанным на клочке бумаги: «от голодающего Каширина». Через два дня по общему согласию мне предоставили привилегированное место под столом.

Голодал семь дней, на седьмые сутки вечером меня вызвали из камеры и привели в один из кабинетов тюрьмы. Там был представитель областного управления НКВД:

— Мы решили удовлетворить ваши требования и просим прекратить голодовку. Вот письмо вашей матери.

Действительно, по почерку я понял, что писала мать. Просила не беспокоиться о них, сообщила, что работает бухгалтером, что Вениамин бросил учебу и работает в колхозе на хуторе Каширинском, что они могут прокормить двух младших братишек.

— Суд вам будет на днях. Снимайте голодовку?

В камере началось обсуждение, как я должен вести себя на суде. Суды были радки, подавляющее большинство осуждалось заочно «двойками», «тройками», «косыми совещаниями». Кто советовал признать вину и получить 10 лет ИТЛ, — мол, иначе расстреляют. Кто советовал делать наоборот — отказываться от всего.

Я ждал, что скажет староста камеры, всеми уважаемый, умный человек. Но и он не знал, как поступить.

Мы уже привыкли к чудовищным обвинениям и содержанию. Никто не мог правильно посоветовать и не имел права на это, потому что мы не знали взаимоотношений следствия и судов, не знали, что происходит в стране. Возможно и суды под пятой НКВД?

В ночь с 4-го на 5-е сентября я видел сон: будто гляжу на себя в зеркало и вижу, что у меня окладистая борода и усы.

После завтрака открывается дверь.

— Каширин! С вещами — на суд.

В «черном вороне» встретил всех своих «однодельцев». Им тоже в камерах советовали не отрицать подписанного «дела», иначе расстреляют. Молчал только Дмитрий Малей.

Кто-то из них сообщил мне, что в одной из камер тюрьмы помер мой двоюродный дядя — Александр Владимирович Каширин. Ему в то время было за 50 лет, он изрядно был порублен в боях во времена революции — у него была разрублена челюсть, он с трудом ел. Ну, и на следствии, думаю, ему досталось.

В областном управлении НКВД заседала выездная сессия военного трибунала УралВО в составе трех человек и секретаря. С нами находились только конвоиры. Все, кроме Дмитрия Малей, признали себя виновными, пугаясь в подробностях. Когда и где встречались, о чем говорили, что решали? Если бы это было на самом деле, то и тогда никто бы не запомнил даты встреч и тем более разговоров, тем более, что этого не было. Как и все, я отвечал: не помню, когда было, не помню, о чем говорили.

«Скорый и правый» суд удалился на совещание.

— Встать, суд идет.

По приговору Василию Абросимову и Григорию Горшкову «подарили» по шесть лет ИТЛ и по пять лет поражения в правах. Абросимову Михаилу — десять лет ИТЛ и пять лет поражения в правах. Ну, думаю, мне преподнесут лет пятнадцать. Нет. Меня приговорили к расстрелу.

Судьи в моих глазах повернулись слева направо по часовой стрелке на 360 градусов. Ко мне подошли три конвоира и вынули пистолеты. Дмитрия Малей освободили из-под стражи.

Впоследствии, в спокойной обстановке я, вспоминая детали суда, думал: а что было бы, если бы мы все оказались от подписанных показаний? В лучшем случае, передали бы на переселение, но конечный результат был бы тот же. Меня, как Каширина, не отпустили бы.

— Следуйте за мной, — сказал один из конвоиров. Двое пошли сзади меня. Завели в какой-то пустующий кабинет. Старший сел на стул у одной стены. Меня усадили у противоположной, двое встали по обе стороны двери, пистолеты держат в руках. Может быть, это является естественной защитой разума — временно уйти от кошмарной действительности — но, к удивлению, мне сильно захотелось спать. Я бросил шубу на пол, лег и тут же уснул глубоким сном. Проспал минут 20 или 30, (Окончание на 4-й стр.)